

УДК 82-3

ОТЦОВСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В РОМАНЕ В. СОТНИКОВА «УЛЫБКА ЭММЫ»

О.А. Скрипова (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена проблеме памяти о Великой Отечественной войне в современной словесности, а именно в романе Владимира Сотникова «Улыбка Эммы» (2016). Это роман об отце, пережившем войну, и сыне, говорящем за него, от его имени.

Цель статьи – рассмотреть художественное своеобразие трактовки темы памяти о войне, выявить приемы создания образа Великой Отечественной войны в романе.

Методология. В работе используются системно-структурный метод и элементы сравнительно-типологического анализа.

Обзор научной литературы. Особое внимание уделяется образу пневматосферы (термин Н.Л. Лейдермана) и субъектной организации произведения: герой, перевоплотившись в отца, думает, размышляет, видит внешний мир, переживает происходящее так, как будто все это было с ним самим, создается иллюзия того, что тяжелая, страшная правда о войне показана и рассказана непосредственным участником событий.

Результаты исследования. Мистическое «веение», софийное начало, ощущение Бога, образы ангелов-хранителей, встреченных на войне в виде людей, парадоксально сочетаются с жестокими картинками, «окопной правдой», трагической историей любви и философскими размышлениями уже зрелого героя.

Выводы. Роман Сотникова развивает некоторые традиции фронтовой лирической повести (сочетание натурализма и лирической экспрессии, нравственный конфликт, человекоцентрический пафос), в то же время афористичность, динамика поисков ответа на глобальные вопросы, определяющая сюжет, притчевость позволяют отнести произведение к интеллектуальной прозе. Тема памяти – ключевая в произведении. Воспоминания и спасительны, и травматичны, в них оживают ушедшие. Густеющая память, не только индивидуальная, социально-историческая, но и родовая, сродни сотворению мира.

Ключевые слова: современная русская литература, военная проза, В. Сотников, роман, образ войны, память, субъектная организация.

Постановка проблемы. Тема памяти является одной из важнейших в современной военной прозе. По мнению многих исследователей, «литература о Великой Отечественной войне – совершенно особый документ эпохи, ее важнейший сюжет – сохранение памяти о трагедии, война не закончилась ни в 1945 г., ни позже, но осмысление итогов войны стало процессом гражданского самоопределения, не имеющим финала, ведь этот процесс продолжается и сегодня» [Ковтун, 2020, с. 7]. С необходимостью увидеть тенденции в современной прозе связана актуальность исследования новейших произведений о войне, тем более «литература о Второй мировой войне подверглась сегодня и критической, и культурологической рефлексии» [Абашева, Аристов, 2010, с. 133].

Обзор научной литературы по проблеме. Л.Н. Скаковская отмечает, что в начале XX в. в литературный поток снова стали вливаться произведения, темой которых являются те или иные аспекты великой войны» [Скаковская, 2015, с. 107]. Исследователь выделяет военно-приключенческие произведения, документально-художественную прозу, православную литературу о войне. Вместе с тем следует отметить, что начало III тысячелетия является рубежным периодом для всей военной прозы. В.А. Зубков в статье «Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня» оценил минувшее десятилетие как «полосу системного кризиса высокой прозы о войне». Признаки этого «системного кризиса» исследователь видит не только в закономерном резком «обмелении столь обильного в 90-е гг. потока прозы», но и в появлении «ущербных псевдобатальных текстов» [Зубков 2011]. Д.В. Аристов полагает, что «в прозе о Великой Отечественной в 2000-е годы... утрачивается... тенденция к фактической достоверности батальной фактуры и ее социально-нравственному осмыслению... в новой прозе о войне усиливается влияние массовой культуры, вызывающее деформацию традиционной тематики и образов войны»¹. Это связано и с тем, что ушли из жизни авторы – участники войны, в том числе создатели такого значительного течения, как «лейтенантская проза». М. Моисеева считает, что «последней в хронологии истории этого литературного течения и своего рода итогом стала повесть Д. Гранина со знаковым названием – “Мой лейтенант” (2011)» [Моисеева, 2025, с. 32].

Однако вышедший в 2016 г. роман Владимира Сотникова «Улыбка Эммы» стоит особняком: с одной стороны, произведение создано не фронтовиком, писатель родился в 1960 г., с другой – оно нацелено как раз на социально-нравственное и даже философское осмысление событий войны, влияния массовой культуры здесь нет: роман требует медленного чтения, в нем ощущаются особая глубина, интеллектуальная напряженность.

Владимир Сотников более известен как детский писатель, автор около трех десятков приключенческих повестей и детективов, однако он пишет и для взрослых. Заметным явлением стала его трилогия «Покров», «Пролитая вода» и «Фотограф». Роман «Улыбка Эммы» был номинирован на премию «Большая книга» (2017). В 2015 г. писатель рассказал в интервью о процессе создания произведения: «Я уже давно работаю над книжкой об отце, о его войне, жизни. “Улыбка Эммы” – так называется этот роман. Первую часть уже написал. Она такая сильная для меня получилась, а вот вторая часть, где я перехожу к сыну, похожему на меня, слабее, и я боюсь этого. И долго пишу – это тоже влияет»². В данном высказывании подчеркнута напряженность творческого процесса и автобиографичность произведения.

¹ Аристов Д.В. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации: дис. ... канд. филол. наук. Пермь: [б. и.], 2013. С. 3.

² Владимир Сотников: Мне проще писать для взрослых... Но книжки для детей помогают жить. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/interview/vladimir-sotnikov-mne-prosche-pisat-dlya-vzroslykh-no-knizhki-dlya-detei-pomogaiut-zhit>

Роман привлек внимание как читателей, так и критиков. В журнале «Знамя» вышла большая рецензия В. Есипова «Роман об отце» [Есипов, 2017], однако «Улыбка Эммы» не становилась объектом литературоведческого системно-структурного анализа, с этим связана новизна исследования.

Цель статьи – рассмотреть художественное своеобразие трактовки темы памяти о войне в романе В. Сотникова, а также приемы создания образа Великой Отечественной войны. Как отмечает сам писатель, книга имеет двухчастную композицию, поскольку это роман об отце и сыне. Однако образ Великой Отечественной войны, возникающий в памяти участника событий, присутствует лишь в первой части произведения, на ней мы и сосредоточим внимание.

Методология исследования. Методологическую базу статьи составили труды Н.Л. Лейдермана, М.Л. Липовецкого о тенденциях развития лейтенантской прозы и жанровых принципах фронтовой лирической повести, мы также опираемся на статью Н. Ковтун, посвященную теме памяти в современной литературе о Великой Отечественной войне, на ее классификацию течений в военной прозе [Ковтун, 2020].

Результаты исследования. Название романа непривычно для военной прозы, где обычно присутствуют батальная лексика или метафора, связанная с войной, бедой, смертью, или обозначен главный герой, хотя, конечно, бывают исключения. Здесь же доминирует любовная, лирическая нота. Произведение открывается своеобразным прологом, в котором звучит мотив молчания/умолкания: «Помню свою детскую жалость оттого, что заметил: умные умолкают первыми»³. Лирический повествователь имеет в виду отца, отождествляет себя с ним («я это он») и высказывает предположение: «А может, потому он и умолкал – чувствуя, что я буду говорить за него? Вот я и говорю»⁴. Как отмечает Л. Лисюткина, «их идентичность метафорически воспроизводит евангельское единство Отца и Сына» [Лисюткина], эту идентичность ощущает и вернувшийся с фронта отец лирического повествователя со своим отцом: «Любил я его безмерно, но вместе с тем чувствовал, что чем-то его обижаю. И тут, увидев, понял: я же точь-в-точь как он. Я же заменяю его в этой жизни, и мне за это стыдно»⁵. Так мотивируется необычная субъектная организация первой части романа: используется форма личного повествования, но парадокс в том, что не отец рассказывает о войне, а его сын-писатель, перевоплотившись в отца, видит внешний мир, переживает и осмысляет происходящее так, как будто все это было с ним самим. Формально субъект речи в обеих частях один и тот же, но субъекты сознания разные – отец и сын. Подобное отождествление подвергается осмыслению в сборнике С. Шаргунова «Свои» (2018): «В детстве, слушая рассказы родителей об их детстве, мы воображаем, что мы – это они. Вот и мой сын с разбойным восторгом записал в айпад от первого лица истории, рассказанные мной: “Как я устроил потоп”, “Как я устроил пожар”, “Как я тонул в море” (Шаргунов, 2018, с. 135).

³ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 5.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 97.

В первой главе первой части романа Сотникова доминирует рефлексия лирического повествователя, это своеобразный пролог, где вне хронологии сходятся основные образы, мотивы и сюжетные ситуации романа. Прежде всего это образ времени и образ памяти, переплетенные в сознании рассказчика: «это идет время», «мои воспоминания – это время. И слова, которые при этом проворачиваются во мне, – тоже время»⁶. А. Битов в предисловии к другому роману писателя «Пролог» отмечал: «Сотников как художник занят больше всего самой трудной для изображения категорией, являющейся, однако, всегда главной в искусстве прозы, категорией времени. Время у него... течет во всех направлениях, вспять и в будущее, рождая неуловимое чувство настоящего, причем не только в форме воспоминания или более тонкого припоминания, но и в форме чувства, такого же, как боль. Это страдание временем – самая сильная сторона прозы Сотникова» [Битов, 2010, с. 7]. Здесь же в памяти рассказчика мелькают образы и воспоминания, связанные с войной: уход из деревни на фронт в сорок втором году, «ползущие в шахматном порядке танки», окопы, атака под обстрелом. Наконец, в этой своеобразной увертюре возникает образ Эммы, ее глаз и улыбки, с ней связано самое большое счастье. Однако мы сразу узнаем, что она «умерла летом сорок пятого». В связи с этим появляется образ того мира: «Эмма там. Это тревожный и странный мир, который я вижу, но никак не пойму, какой он»⁷.

У Сотникова оплотняются и словно овещаются (а порой персонифицируются) абстрактные понятия: «Еще на войне я научился перемещаться в своей прошлой жизни, словно отталкивался от непроницаемой пелены будущего, как от стенки окопа»⁸, «воспоминания находят единственно правильный путь»⁹, «молчаливая маска времени знает это»¹⁰, память может «густеть». Поэтому в романе большую смысловую нагрузку несет образ пневматосферы как «подсистемы, воплощающей и выражающей духовный (интеллектуальный и эмоциональный) «срез» (пласт) внутреннего мира художественного произведения [Лейдерман, 2010, с. 123–124]. Память на войне становится спасительной в буквальном смысле. Так, старый солдат говорит герою: «Сейчас самое правильное – вспоминать. И не убьют тебя»¹¹. Повествователь не раз задается вопросом, почему его не убило на войне: «Нас ушло из деревни сто тринадцать, а после войны в живых осталось двое. Разве можно это объяснить»¹². Загадочная неуязвимость отца отмечена и в аннотации к роману, и в немногочисленных рецензиях. Так, В. Есипов пишет: «отец столько раз чудом избегал смерти, что, несмотря на авторское предупреждение к роману “Бог видит не все”, создается твердое убеждение в том, что отца хранила какая-то высшая сила» [Есипов, 2017]. Сам же повествователь

⁶ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 8.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 19.

предваряет главу о войне такой преамбулой: *На войне может только повезти. Если не повезет, то тебя уже нет*¹³. Везение связывается в сознании уже зрелого героя и с иррациональным «солдатским чувством опасности», и с молодостью, когда нет привычки задумываться: «Первая сила молодости гнала меня вперед так, как требовала этого война. И сил у меня оказалось ровно столько, сколько она требовала»¹⁴. Отметим, что война в романе персонифицируется: «И тут я понял: все, выдохлась война. Не только у нас, но и у нее нет больше сил»¹⁵.

При этом изображается жестокая, горькая правда войны с опорой на традиции фронтовой лирической повести 1960-х гг., где сочетаются «натуралистическая пластика и лирическая экспрессия» [Лейдерман, Липовецкий, 2001, с. 115]. Эта горькая правда видна уже в первом военном эпизоде, связанном с мобилизацией семнадцатилетнего героя (он добавил себе год, проявив солидарность со сверстниками). Неготовность к войне, страшная спешка, отношение к людям как к «пушечному мясу» подчеркивается выразительной деталью: «вооружить нас не успели... Перед боем приказали деревянные винтовки замазать грязью, чтобы издали казались настоящими»¹⁶. То есть совсем еще мальчишек посылают на верную смерть. Повествователь вспоминает: «Я видел, как все падали, будто ветки с деревьев. Я лежал в длинной полосе убитых, которая получалась оттого, что немцы просто выжидали, когда мы подбежим к одному и тому же месту, и давали длинную пулеметную очередь. Подбегали следующие к убитым – опять очередь. Как будто косили в покос»¹⁷. Отметим, что в тавтологическом сравнении обыгрывается устойчивое сочетание «смерть косит». Затем дается оценка дядьки Ивана, которого прислали забирать раненых, его реакция на слова героя об игрушечных ружьях: «Дядька замолчал. Потом он выругался и сказал: – Да-а, поиграли в войну!»¹⁸ А далее следует мысль повествователя: «И тут я подумал, продолжая дрожать и глядя на черное небо, что там, на этом небе, сломалось что-то в огромном механизме и вместо детства, когда не было у нас игрушек, попали они нам в руки с опозданием»¹⁹. Это глобальный вывод о разладе в мироустройстве, причем ощущение это приходит к рассказчику еще раньше, в те полгода, которые он прожил в родной деревне в начале войны. Они оцениваются как самые важные в жизни, лучшее время, потому что происходит становление личности, что подчеркнуто особым торжественным ритмом фразы: «Оставил я и родителей, и друзей, и все радости жизни, чтобы становиться собой»²⁰. Это сродни богоискательству, отшельничеству, не случайно герой смотрит с надеждой на звездное небо: «Чувствовал я себя тогда частью Бога»,

¹³ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ Там же. С. 57.

«странная сила одиночества была во мне»²¹. При этом повествователь ощущает странную тревогу, «волнение не только внутри себя, но и вовне, в огромном пространстве», «как будто где-то там, высоко-высоко, наступил разлад»²². Он словно живет постоянно в двух измерениях – бытовом и бытийном, а война осмысливается им не в социально-политическом, а в онтологическом ключе.

Мотив чудесного везения-спасения связан с образами ангелов-хранителей: «Спокойно вспоминаю многочисленных ангелов-хранителей, встреченных на войне в виде людей»²³. В основном это те, кто отказывался рисковать понапрасну солдатскими жизнями, кто помогал выжить на войне: командир, несколько дней прятавший роту новобранцев, вместо того чтобы бросать их в бой, танкист, появившийся из огня, лейтенант Кагановский, не давший герою утонуть. И повествователь обостренно чувствует связь с этими людьми, хоть они и погибли: «окончание жизни подарено мне, чтобы подготовиться ко встрече с ними»²⁴. Сам герой, с его загадочной неуязвимостью, тоже выступает в роли ангела-хранителя, так к нему относится майор Карпекин и держит при себе весь последний год войны.

Однако мотив чуда/везения сочетается с поэтикой «окопной правды», с высокой достоверностью, воссозданием психологической атмосферы на войне: «Бывало, что начинался бой с собственной трусостью – сожмешься комком в окопе, и нет никакой силы, которая вытащит тебя на бруствер, в атаку. Цепенеешь. Выскакивает один, командир или еще кто – за мной! Падает. Потом второй, так же. Падает. Кажется, и тебя уже нет. Как будто ты – не ты, а вот эта земля перед глазами, карабин, затвор. Все, по чему глаза бегают, – ты. И те, кто рядом в окопе забился, тоже ты. Не понимаешь ничего, не соображаешь, только видишь: люди погибают, а ты сидишь. И вдруг невыносимая злость – и на себя, и на немца, и на ожидаемую смерть, – и думаешь: ах же ты... И все меняется от злости. Нет слов для этого. Поэтому, наверное, тогда так и кричали – а-а-а»²⁵. Мотив страха и борьбы с ним вполне традиционен для военной прозы. Не случайно используется форма второго лица, обобщенно-личные конструкции, подчеркивающие общность переживаний людей на войне, позволяющие читателю отождествить себя с участниками событий. Вспоминается изнуряющее ожидание во время обстрела: «А если не атака, а артоналет – часами, то через какое-то время тоже дуреешь от невыносимости. Этот гул давит, и уже чувствуешь, что все, конец... Сейчас не выдержишь. Лопнешь. Не знаешь, куда себя девать, что делать, а сидеть в окопе невыносимо. Лучше об этом не вспоминать – я боюсь того чувства. Нечеловеческое оно»²⁶. Это до конца непостижимая и неизжитая травма.

²¹ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 56.

²² Там же. С. 54.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ Там же. С. 62.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ Там же. С. 75.

Война представлена и как тяжелая работа сапера, наведение переправ, поэтому «мелькает в памяти смертельный страх, когда то под корягой застревал, то замерзал в Днепре»²⁷.

Смерть грозит не только со стороны врага, но и свои могут расстрелять за дезертирство или обвинить в преступлении, которого не совершал. Тема военного преступления подробно рассматривается в статье О.В. Сухих, где анализируются сюжетные ситуации, в которых обвинение героев в дезертирстве формально обосновано, но несправедливо по сути [Сухих, 2016, с. 260]. У Сотникова несколько иной акцент: герою трижды грозил расстрел, хотя он всегда поступал по совести и не нарушал не только нравственных, но и военных законов. Повествователь вспоминает, как выбирался из-под завала, контуженый, а его «чуть за дезертира не приняли и прямо тут, перед строем, и не расстреляли»²⁸, как случайно отстал и всю ночь гнался за машинами своей части, повинуюсь неизвестному доселе страху, как от расстрела за ложное обвинение в насилии его спас смех.

Сюжет фрагментарен, эпизоды связаны по ассоциативному принципу, все подчинено логике воспоминаний и напряженных размышлений повествователя. И эти размышления имеют нравственный характер – о духовных испытаниях, о совести, о стремлении жить в согласии с собой. В этом смысле роман вписывается в направление, означенное экзистенциальной проблематикой. «Эта литература открывает сокровенные тайны о человеке, поставленном в предельную ситуацию, здесь возрождаются элементы мистики, библейская символика и образность» [Ковтун, 2015]. Так, глава 12 предваряется вопросом: «Что сделала война с моей совестью?»²⁹. Герой оказывается в ситуации нравственного выбора: вытащить даже не раненого, а находящегося в нервном столбняке полковника или спасаться самому, тем более после прорыва к своим. Кому хочется после победы погибать? Повествователь мысленно возвращается к этому судьбоносному мигу: «Теперь я понимаю, что тогда многое решалось для меня одним шагом, одной секундой у того куста. Конечно, всех на войне не вытащишь. Но это был мой случай. Как в сказке – прямо пойдешь...»³⁰. Впоследствии заступничество полковника-фронтовика, которому герой во время войны спас жизнь, позволит избежать беды, несправедного суда. Это совпадение, появление полковника в нужное время в нужном месте трактуется как чудо, или «вееение»³¹, помощь из другой жизни: «но есть над жизнью какое-то вееение, другая жизнь, из которой и прислала мне Эмма полковника на помощь»³². Л. Лисюткина в рецензии на роман отмечает: «В книге несколько раз разъясняется слово “вееение”, которым отец и сын называют присутствие в их жизни необъяснимого, мистического, охраняющего

²⁷ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 82.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ Там же. С. 74.

³⁰ Там же. С. 78.

³¹ Именно такое написание используется в романе В. Сотникова, это его окказионализм.

³² Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 108.

и исцеляющего небесного начала. Возможно, это православная софийность: София – Душа Мира, создательница коллективных душ наций и человечества, начало соборности и Церкви Христовой» [Лисюткина]. Софийное начало связано прежде всего с героиней, чье имя вынесено в название романа, чей образ постоянно присутствует в сознании повествователя, становится высшим нравственным ориентиром.

Н.В. Ковтун так описывает переоценку событий войны в лейтенантской прозе: «Победители в этой прозе все чаще осознают себя жертвами, утверждаются мотивы общей вины, национальной катастрофы, которые будут только усиливаться в военной прозе рубежа XX–XXI вв. Победа, которая казалась в 1945 г. безусловной, постепенно ускользает, разрушая надежды и судьбы» [Ковтун, 2020, с. 14]. Так и у Сотникова конец войны воспринимается героем неоднозначно: «Война закончилась, а я так и не понял, что в ней главное. Это была большая радость, но тяжелая, не дававшая спокойно думать. Я даже отгонял ее от себя, потому что была эта радость какой-то несправедливой, как будто нашел на дороге что-то чужое»³³. Повествователь ищет слова, передающие эту странную психологическую атмосферу вокруг, идет напряженная работа души: «перекос радости», «наигранная, притворная интонация», «пьяная радость измучила меня в Праге до немоты», «Пустота внутри была страшная»³⁴. Или высказывается такое желание: «Закрасить бы черным мою память о войне. Чтобы осталась только одна фраза: война была и закончилась»³⁵.

Любовь на войне чаще всего оборачивается внутренним надломом, катастрофой, трагедией. Так происходит и в романе Сотникова, причем герой обретает любовь, когда война вроде бы закончилась, в австрийском Кремсе. Нужно отметить, что любовь мыслится и ощущается как божественное начало, разлитое в мире и человеческой душе: «Ее улыбку, улыбку Эммы, я увидел когда-то на небе»³⁶. Русский религиозный философ С. Булгаков так трактует софийность: «София открывается в мире как красота, которая есть ощущаемая софийность мира. Для кого цветут цветы в красе своей, которой чаще всего и не видит человеческое око? Для чего цветет девичья краса на земле? Разве не есть все это сияние Софии, изнутри освещающее косную плоть и „материю“?» [Булгаков, 1994, с. 199]. В Эмме просвечивает софийное начало: «Она была такая красивая, как будто я увидел свою душу наяву. Ведь я всегда чувствовал, что душа у человека красивая, но невидимая... Эмма была во мне всегда. Наконец-то, просто **выдохнул** я (здесь и далее выделено нами. – О.С.), увидев ее. Наконец-то»³⁷. Здесь даже на лексическом уровне ощущается перекличка с «Одой русскому огороду» В. Астафьева, где лирический повествователь «так ждал девочку,

³³ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 78.

³⁴ Там же. С. 79–80.

³⁵ Там же. С. 71.

³⁶ Там же. С. 86.

³⁷ Там же. С. 87–88.

что она взяла и пришла к нему однажды. В другом платье, в другом облике, но все равно пришла, и он, истомленный долгой разлукой, мучительным ожиданием, счастливо **выдохнул**, припадая к ней: “Девочка моя!”» (Астафьев, 1997).

Анализируя концепцию Вечной женственности в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка», И. Плеханова отмечает: «Мужское сознание воспринимает живой софийно-богородичный образ как тайну. Указание на разгадку тайны – принадлежность музыке. Это единственное, что сообщает о себе Люся» [Плеханова, 2024, с. 360–361]. Эмма тоже причастна к музыке: «Она вытирала пыль с пианино и оглядывалась на меня, потом садилась и играла что-то тихое, как будто непроизносимое... Эмма играла на рояле с отцом в четыре руки. Он был профессор консерватории, а она была студенткой»³⁸. Небывалое счастье встречи двух людей, предназначенных друг другу, ведет к выпадению из времени: «Мы были счастливы без времени и забот»³⁹. Как и у Астафьева, идеальное у Сотникова несовместимо с жестокой реальностью. Героиня гибнет от рук пьяного советского офицера, причем это преступление остается безнаказанным, поскольку капитан оказался особистом. Гибель Эммы в сознании повествователя ассоциативно связывается с гибелью маленькой девочки, пронзенной штыком в обозе раскулаченных. Эту картину он увидел в детстве. Неспроста в обоих случаях героя, свидетеля убийства, настигает немота. После детского потрясения он почти год не говорил, после смерти Эммы для него все утрачивает смысл: «Я онемел и внутренне отказался от дальнейшей жизни»⁴⁰. И лишь слова майора Карпекина о том, что он должен держать Эмму в себе, хранить, «разбивают скорлупу». Повествователь оживляет любимую в своей памяти и надеется на встречу.

Если в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» герой погибает из-за душевного надлома, от неизбывной тоски по Красоте высшей Любви, то у В. Сотникова герой находит «островок жизни», силы для создания семьи, нащупывает свой путь и предназначение. Он становится сельским учителем, и это подчеркивает автобиографичность романа, поскольку Сотников родился в семье сельских учителей. Мотив музыки, связанный с Эммой, в переломный момент жизни начинает звучать в душе героя, который вдруг представляет себя неизвестным музыкальным инструментом: «Какая-то мучительная, невыразимая и тихая музыка была во мне. Совсем такая, какую играла Эмма при нашей встрече»⁴¹.

Заключение. В отличие от большинства героев лейтенантской прозы, у В.М. Сотникова становление личности, обретение тайного знания о себе, бытии и Боге происходит не во время участия в войне, а перед ней, самая страшная трагедия настигает после войны, к тому же нравственные испытания, борьба со злом продолжают и в мирное время. Роман Сотникова развивает некоторые традиции фронтовой лирической повести (сочетание натурализма и лирической

³⁸ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 87–88.

³⁹ Там же. С. 89.

⁴⁰ Там же. С. 91.

⁴¹ Там же. С. 100.

экспрессии, нравственный конфликт, человекоцентрический пафос), в то же время афористичность, динамика поисков ответа на глобальные вопросы, определяющая сюжет притчевость позволяют отнести произведение к интеллектуальной прозе. Даже преамбулы к главам, выделенные курсивом, звучат либо как вопрос, либо как тезис, обозначают предмет размышлений лирического повествователя. Тема памяти – ключевая в произведении. И Кукулин так говорит о новой задаче, вставшей перед писателями в 1990-е гг.: «Неотчужденная память о войне предстала перед литераторами разных поколений как задача, которую надо решать заново и в новых условиях. Решение было затруднено тем, что именно в литературе о войне особенно зияющим оказалось отсутствие традиции рефлексии субъекта. Способами преодолеть “зияние”, создать заново методы такой рефлексии стали интерпретация семейной памяти как основы неофициальной (антиофициальной) идентичности и стремление к личной историчности» [Кукулин, 2005, с. 336]. Подобная интерпретация семейной памяти, по-видимому, продолжается и в XXI в. В романе В. Сотникова память и спасительна, и травматична, густеющая память сродни сотворению мира, в ней оживают ушедшие. Это память не только индивидуальная, социально-историческая, но и родовая: не случайно прочерчивается преемственность трех поколений, в каждом из которых сын ощущает свое единство с отцом, словно пропитывается его опытом, вбирает в себя его жизнь, что выступает важнейшим условием становления творческой личности. Слова Валентина Распутина созвучны пафосу произведения Сотникова: «Сколько в человеке памяти, столько в нем и человека. Сколько памяти – столько жизни в прошлом и будущем... Наша литература, как мы говорим и как оно есть на самом деле, – литература памяти» [Распутин, 1987, с. 151].

Список источников

1. Астафьев В.П. Ода русскому огороду // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 8. URL: <http://www.infoliolib.info/rlit/astafyev/oda.html#1> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. 256 с.
3. Шаргунов С.А. Свои: повесть, рассказы. М.: АСТ, 2018. 345 с.

Библиографический список

1. Абашева М.П., Аристов Д.В. Военная проза 1990–2000-х годов: генезис и поэтика // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 133–137.
2. Битов А. О прозе Владимира Сотникова // Сотников В.М. Покров. М.: Эксмо, 2010. С. 5–8.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
4. Есипов В. Роман об отце (рецензия) // Знамя. 2017. № 5. URL : <https://znamlit.ru/publication.php?id=6612> (дата обращения: 08.09.2025).

5. Зубков В.А. Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 473–486.
6. Ковтун Н.В. «Демонологический» сюжет в повести В. Распутина «Живи и помни» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 232–241.
7. Ковтун Н.В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4 (33). С. 6–24.
8. Кукулин И.В. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 324–336.
9. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. 904 с.
10. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Фронтовая лирическая повесть // Современная русская литература: в 3 кн. М.: Эдиториал УРСС. 2001. Кн. 1 (1953–1968). С. 110–124.
11. Лисюткина Л. Умные умолкают первыми. URL: <https://shaherezada.livejournal.com/487770.html> (дата обращения: 18.09.2025).
12. Моисеева В.Г. Герой и автор «лейтенантской» прозы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2025. № 3. С. 23–35.
13. Плеханова И.И. Вечная женственность в природно-социальной концепции В.П. Астафьева // В.П. Астафьев: pro et contra, антология / сост., вступ. ст., коммент. Н.С. Цветовой. СПб.: РХГА, 2024. С. 355–366.
14. Распутин В.Г. Что в слове, что за словом? Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 336 с.
15. Скаковская Л.Н. Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 1. С. 107–113.
16. Сухих О.С. Тема военного преступления в литературе о Великой отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 260–267.

Сведения об авторе

Скрипова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); e-mail: olga-skripova@mail.ru

FATHER'S MEMORY ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 IN V. SOTNIKOV'S NOVEL *EMMA'S SMILE*

O.A. Skripova (Ekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the problem of a memory about the Great Patriotic War of 1941–1945 in contemporary literature, in particular, in Vladimir Sotnikov's novel *Emma's Smile*. This is the novel about a father who endured the War and a son speaking on his behalf.

The purpose of the article is to consider the creative way treating war memories and to reveal the devices for creation of the image of the Great Patriotic War in the novel.

Methodology (materials and methods). The article employs the system-structural method and the elements of the comparative typological analysis.

Review of scholarly literature on the issue. The emphasis is put on the image of *pneumatosphere* (in terminology of N.L. Leiderman) and on the subject construction of the work: the protagonist re-incarnating into his father thinks, reflects, sees the outer world, and endures events, as if all this has happened to him; there is an illusion that the hard and dreadful truth about the war is shown and narrated by the first-hand participant of the events.

Research results. The mystic 'veyaniye' (developments), sophistic basis, sensation of God, images of angels having the appearance of people encountered in the war fields – all this paradoxically combines with savage pictures, 'trench truth', the tragic love story and philosophic reflections of already mature protagonist.

Conclusions. Sotnikov's novel develops some traditions of the front-line lyrical story (the combination of naturalism and lyrical expression, the moral conflict, the humane-centric inspiration); on the other hand, its aphoristic nature, the dynamics of a search for answers to global questions that determine the plot, and its parable form allow us to attribute this work to intellectual prose. The theme of a memory is crucial in this work. The memory is both salutary and traumatic, where those who died are revived. The thickening memory resembles the creation of the world. This memory is not only individual and socially-historic, but also patrimonial.

Keywords: contemporary Russian literature, war prose, V. Sotnikov, novel, image of war, memory, subject construction.

References

1. Abasheva M.P., Aristov D.V. Voennaya proza 1990–2000-kh godov: genezis i poetika [War Prose of the 1990s–2000s: Genesis and Poetics]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2010, 8 (98), 133–137.
2. Bitov A. O proze Vladimira Sotnikova. [About Vladimir Sotnikov's prose]. In: *Sotnikov V.M. Pokrov*. Moscow, Eksmo, 2010, 5–8.
3. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Non-evening light. Contemplations and speculations]. Moscow, Respublika, 1994. 415 p.
4. Esipov V. Roman ob ottse. (retsenziya) [Novel about father. (review)]. In: *Znamya* [Banner], 2017, 5. APA Style. 2025. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6612> (accessed 8 September 2025).

5. Zubkov V.A. Povорот rusla. Proza o Velikoy Otechestvennoy voyne segodnya [Change of the river course. The prose about the Great Patriotic War today]. In: *Voprosy literatury [Literature questions]*, 2011, 6, 473–486.
6. Kovtun N.V. “Demonologicheskiy” syuzhet v povesti V. Rasputina “Zhivi i pomni” [Demoniacal plot in V. Pasputin’s story “Live and remember”]. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Philological Journal]*, 2015, 2, 232–241.
7. Kovtun N.V. Tema pamyati v sovremennoy proze o Velikoy Otechestvennoy voyne [The theme of a memory in contemporary prose about the Great Patriotic War]. In *Kul'tura i tekst [Culture and text]*, 2020, 4 (33), 6–24.
8. Kukulin I.V. Regulirovanie boli (Predvaritel'nye zametki o transformatsii travmaticheskogo opyta Velikoy Otechestvennoy / Vtoroy mirovoy vojny v russkoy literature 1940–1970-kh godov) [Pain Regulation (Preliminary Notes on the Transformation of the Traumatic Experience of the Great Patriotic War/World War II in Russian Literature of the 1940s–1970s)]. In: *Neprikosnovennyy zapas. [Emergency reserve]*, 2005, 2–3 (40–41), 324–336.
9. Leyderman N.L. *Teoriya zhanra. [Genre theory]*. Ekaterinburg, 2010. 904 p.
10. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Frontovaya liricheskaya povest' [Front-line lyrical stories]*. In: *Sovremennaya russkaya literature [Contemporary Russian literature]*, v 3 t. (1953–1968). Moscow, Editorial, 2001, 1, 110–124.
11. Lisutkina L. Umnye umolkayut pervymi [The clever fall silent first]. APA Style. 2025. Available at: <https://shaherezada.livejournal.com/487770.html> (accessed: 18.09.2025).
12. Moiseeva V.G. Geroy i avtor «leytenantskoy» prozy [Protagonist and author of the “lieutenant” prose]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*, 2025, Seriya 9, Filologiya, 3, 23–35.
13. Plekhanova I.I. Vechnaya zhenstvennost' v prirodno-sotsial'noy kontseptsii V.P. Astaf'eva [Eternal femininity in V.P. Astafyev’s natural-social concept]. In: *V.P. Astaf'ev: pro et contra, antologiya*. St. Petersburg, RKhGA, 2024, 355–366.
14. Rasputin V.G. *Chto v slove, chto za slovom? [What in a word, what behind a word?]*. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izdatel'stvo, 1978. 336 p.
15. Skakovskaya L.N. Voennaya proza nachala XXI veka: temy, idei, obrazy [War prose of the beginning of the XXI century: themes, ideas, images]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tver State University]*. 2015, 1, 107–113.
16. Sukhikh O.S. Tema voennogo prestupleniya v literature o Velikoy otechestvennoy voyne [The theme of war crime in the literature about the Great Patriotic War]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]*, 2016, 2, 260–267.

About the author

Skripova, Olga A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia); e-mail: olga-skripova@mail.ru